

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Анатолий.

Л47 Тайный гость / Анатолий Леонов. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-198393-2

Среди бела дня прохожие достают из Неглинки диковинного утопленника — небольшого роста... мавра. Сыщик отец Феона считает, что этот необычный попутчик прибыл в Москву вместе с таинственными гостями английского посла. Они же, вероятно, и убили его, прежде чем утопить в реке. Возможно, покойник слишком много знал о том, что зреет за стенами иностранного посольства? Не случайно же английские «врачи» и «алхимики» так упорно добиваются встречи с русским царем. Феона пытается проникнуть в замысел врага. Но когда разгадка уже близка, над ним самим внезапно нависает смертельная опасность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198393-2

© Леонов А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

После проигранной битвы у Белого города польско-литовская армия покидала тушинский лагерь. Необходимость этого была тем более обусловленной, что русские дотла выжгли все соседние с Тушино деревни, лишив противника возможности быстрого пополнения провиантом, фуражом и дровами, а близкая зима уже давала о себе знать, и уснувший на сырой земле жолнер рисковал утром уже и вовсе не проснуться. Бедственное положение войск Владислава было столь очевидно, что отход от Москвы мог превратиться в позорное бегство, не получи они в последний момент из Варшавы небольшое денежное довольствие. Денег было совсем мало, но их хватило на то, чтобы интервенты решились еще ненадолго задержаться в чужой, разоренной ими стране.

Построившись в походные порядки, польская армия с поднятыми знаменами прошла под самыми стенами русской столицы, откуда за ней наблюдали молчаливые защитники города. Никто не стрелял. Все понимали, война еще не окончена и торжествовать рано. Тем более что шли поляки не домой — на запад, а на северо-восток — в сторону Переславля-Залесского.



Понимая очевидное желание иноземных захватчиков поживиться за счет богатых Замосковских областей, правительство незамедлительно выслало гонца к польским комиссарам с требованием возвратиться на старое место для начала переговоров о мире. А чтобы супостаты повелись на посулы, уверили оных в возможности благополучного для них исхода сих прелиминарий¹. Но Владислав к тому времени был уже далеко от русской столицы и возвращаться в Тушино отнюдь не собирался. Вместо этого поляки в который уже раз осадили Троице-Сергиеву лавру, а в Москву выслали вельможных панов Сапегу, Карсинского и Ридзица в качестве парламентаров с целью склонить царя к польским условиям, больше, правда, похожим на условия капитуляции. В воздухе вместо перемирия опять запахло большой войной!

6 октября, в День апостола Фомы, узнав, что враги штурмуют Троицкую обитель, засобирались домой и отец Феона с отцом Афанасием. Раны, полученные последним у Арбатских ворот, оказались недостаточно серьезными для бычьего здоровья могучего монаха. Даже тяжелые бревна острога, разрушенного взрывом петарды, завалившие его с головой, не смогли причинить ему какого-то ощутимого ущерба! Он опять был деятелен и до невозможности несносен, в то время как Феона, напротив, как всегда, невозмутим, внимателен и спокоен. Вероятно, этим двоим стоило прожить полжизни, что-

¹ Предварительные переговоры; временные решения, соглашения (в отношениях между государствами).



бы, встретившись, понять, что вместе они прекрасно дополняли друг друга даже в самых безнадежных делах.

С утра выпал первый снег. Пушистыми хлопьями падал он на голые ветви деревьев, крыши домов и успевшую остыть за ночь землю. Снега было много. Казалось, кучевые облака, в тот день покидавшие столицу до весны, в одно мгновение ока превратились вдруг в пуховые перины и, изодравшись о кресты высоких московских колоколен, засыпали весь город невесомым лебяжьим пухом.

Снег кружился и падал, но был он столь легок, что, упав, тотчас сдувался резкими порывами ветра куда-нибудь, где его могла остановить преграда, будь то забор, стена или простая поленница дров. Старики выходили во двор, собирали его руками, мяли, пробовали на вкус и удовлетворенно качали головами. Первый снег на апостола Фому¹ обещал еще сорок относительно теплых дней до настоящей зимы, а то, что снег был сухим, являлось для них залогом благодатного и теплого лета!

В монастырской трапезной в тот день, как и во всех московских домах, на столах лежали свежее испеченные караваи хлеба. Кусок хлеба был первым, что обязан был съесть тем утром каждый обыватель, чтобы принести в дом изобилие и сытость на предстоящую зиму. На Фомин день едва ли не законодательно запрещалось иметь пустые столы. Они должны были ломиться от яств. Чем пышнее застолье, тем сытнее зима!

¹ День памяти святого апостола Фомы отмечается 19 октября (6-го по старому стилю).



Еще этот день был весьма хорош для составления планов на будущее, а сон был легкий, простой и хорошо запоминался. Ежели это было не так, то стоило поразмыслить почему. Ведь внутри сновидения скрывается тайный смысл, который может открыть глаза на важные вещи. Единственные люди, кому праздник не сулил никакой прибыли, были московские брадобреи, ибо считался он не самым лучшим днем для стрижки и наведения красоты.

Отстояв утреню и отведав в трапезной тушеные овощи и свежую выпечку с куриным мясом, Феона и Афанасий распрощались с Крестовоздвиженской обителью, что на Острове подле Смоленской, и отправились в обратный путь до Троицкой лавры. Их лохматый желто-пегий битюг, давно уже застоявшийся в монастырском стойле, тем не менее оказался не сильно рад, когда на него вновь надели жесткую сбрую и запрягли в повозку. Взбрыкнув пару раз и получив от могучего Афанасия увесистый шлепок по крупу, от которого невольно присел на задние ноги, меринок тут же смирился со своей участью и, покорно прядя ушами, выкатил телегу за ворота монастыря.

Миновав Аптекарский двор, телега выехала на набережную Неглинки у кремлевской стены и покатила вдоль государевых кузниц. За Моисеевским монастырем потянулись бесконечные торговые ряды: охотный, мучной, хлебный. Несмотря на ранний час и выпавший снег, все ряды кишели народом и шла бойкая торговля. Московичи активно торговались, хотя и старались делать это степенно, не повышая голоса до базарного ора. В Фо-



мин день, по обыкновению, запрещалось вести себя дерзко, громко разговаривать и даже смеяться. Нельзя было быть неоправданно щедрым и расточительным, но и чрезмерная жадность порицалась. Москвичи не то чтобы во все это верили, но традиции старались соблюдать.

Всю дорогу отец Феона выглядел хмурым и задумчивым, точно его беспокоило нечто, о чем он предпочитал не говорить своему приятелю. Афанасий какое-то время терпел, молча поглядывая на Феону, наконец, не выдержав, осторожно спросил:

— Ты чего, брат, такой скучный? Все думаешь об отце Дионисии?

Феона ничего не ответил. Афанасий подождал и продолжил:

— Слышал я от братии, что архимандрита в Новоспасский монастырь «на смирение отправили». Значит, его хотя бы уже не бьют! А еще говорят, что в Москву засобирался Иерусалимский патриарх Феофан, который к отцу Дионисию всегда благоволил, да бывший патриарх Филарет из польского плена ему письма с поддержкой шлет! Так что, может, еще обойдется? Дело, глядишь, пересмотрят, а настоятеля и справщиков на волю отпустят!

— Все так, брат, — согласно кивнул отец Феона, — только я о другом думаю. Дело у меня тут незавершенное осталось. Сам же взялся помочь, а теперь бросаю, не выполнив собственного обещания?

— Да ладно тебе, не переживай! — беспечно отмахнулся Афанасий. — Мы же ненадолго. Только поможем нашим в Лавре поляков побить и обратно!



Феона невольно улыбнулся той легкости и беззаботности, с какой Афанасий решал сложные вопросы.

— Вот смотрю я на тебя, Афоня, и понимаю, что значит выражение: когда здравый смысл преодолевает любые препятствия, простота их в упор не замечает!

Афанасий задумался и удивленно посмотрел на Феону.

— Это чего, брат? Ты сейчас меня дурнем назвал?

Ответить монах не успел. На Введенском мосту напротив Кузнецкой слободы образовался большой затор из телег и повозок. Вездесущие зеваки гудящим пчелиным роем облепили непрочные поручни моста с риском самим свалиться в реку и с интересом разглядывали что-то, находившееся в студеной воде Неглинки. Феона легко прыгнул с облучка телеги и направился посмотреть, в чем причина задержки.

— Ты куда? — воскликнул Афанасий, хлестнув свободным концом вожжей по морде упряжной лошади, чей хозяин попытался провести свою повозку в и без того узкий проход между двумя телегами. В результате непонятно кому адресованный вопрос прозвучал весьма двусмысленно.

— Осмотрюсь! — не оборачиваясь, произнес Феона, пробираясь сквозь гомонящую толпу ротозеев, основу которых составляли крестьяне из близлежащих деревень и простолюдины из московских черносошных слобод.

— Жмура... жмура нашли! — восторженно вопили мальчишки, для которых любое происшествие, случавшееся в городе, было увлекательным при-



ключением, пропустить которое являлось бы для них непростительным легкомыслием, равным разве что глупости.

— Смотри-ка, опять потопленник! — покачал головой круглолицый мужик со включенной, как старое мочало, бородой.

— Где? Где потопленник, Митька? — плаксиво вопрошал другой мужик, как две капли воды похожий на первого.

— Экий ты олух, братуха. Вон, за опору зацепился! Видишь? Кажись, малец перекинулся?

Бесцеремонно отодвинув плечом спорящих между собой братьев, отец Феона посмотрел вниз через перила. На пологом берегу Неглинки со стороны Пушечного двора божедомы Варсонофьевской скудельницы¹ и пришедшие к ним на подмогу решеточные сторожа крючьями пытались ухватить тело человека, застрявшее между мостовыми опорами. Мертвец, видимо, крепко зацепился одеждой за железный костыль и никак не поддавался, а лезть в холодную воду желающих среди скудельников и сторожей не нашлось. Оттого и возились столь долго, что успели собрать вокруг себя большую толпу. Наконец после долгих и тщетных усилий удача улыбнулась им, и запорошенное снегом тело получилось отделить от бревен опоры и подтащить к берегу.

Увидев для себя достаточно, отец Феона решительным шагом направился вниз, в сторону копошащихся на берегу людей. Он успел как раз в тот момент, когда тело вытянули на грязный берег и волоком оттащили под настил моста.

¹ Скудельня — божий дом, убогий дом.



— Ни шагу дальше! — голосом, не терпящим возражений, рыкнул он на собравшихся под мостом. — Ничего тут не трогать!

Сторожа и божедомы с удивлением вытаращили глаза на дерзновенного монаха, разговаривающего так, будто всю жизнь только и делал, что отдавал приказы. Однако никто из них ни возразить, ни просто задать вопросы почему-то не решился. Отец Феона между тем, больше не обращая внимания на окружающих, присел на корточки перед утопленником. Ему сразу бросилось в глаза, что тело было слишком маленьким для обычного взрослого мужчины, но при этом слишком развитым для женщины или ребенка. Кроме того, одежда на нем была не совсем привычная. Так чаще одевались иностранцы, жившие в России. Взяв за сочащийся водой и пахнувший тинной рукав раскисшего в реке ярмяка, Феона перевернул тело на спину. Все лицо, руки и одежда мертвеца оказались изрядно выпачканными грязной жижей из прибрежной глины.

— Воды! — потребовал монах.

Один из сторожей без лишних вопросов схватил ведро и, наполнив его в реке, бегом вернулся обратно.

— Лей.

Феона рукой указал на труп. Сторож широко размахнулся и окатил тело с ног до головы.

Сразу после этого слышались испуганные возгласы за спиной монаха.

— Мать Божья! Рожа черная!

— Никак анчутка? Сила бесовская!



В это время на берег тяжелой поступью спустился Афанасий и удивленно уставился на лежащего перед его ногами мертвеца.

— Узнаешь? — бросил быстрый взгляд на приятеля отец Феона.

— Мавр?

— Точно!

— Неужто сам потоп?

Феона распахнул полы ярмяка, подбитого волчьим мехом, и сразу на бурой от крови сорочке в области печени увидел рваную дыру, оставленную мушкетной пулей.

— Нет, брат, помог кто-то!

Монах строгим взглядом осмотрел сгрудившихся вокруг него решеточных сторожей.

— Кто у вас старший?

Смущенные мужики молча указали на своего товарища, одетого несколько лучше остальных.

— Ты?

— Земской ярыга¹ Ивашка Филиппьев, — представился тот, с некоторой опаской глядя на двух монахов, по непонятной причине взявших на себя руководство расследованием, возражать против которого он не находил в себе ни сил, ни духа.

— Вот и славно, Ваня! Распоряжайся. Пусть твои чернослободцы мавра мертвого отвезут в ближайший съезжий двор и положат на ледник. Да пусть ничего не трогают и ничего не делают, кроме того, что я сказал. А сам ты со всех ног беги в Земский приказ, к Степану Проестеву, и зови ко мне.

¹ Низший служитель в приказе, прежде всего в полиции.



— Я? К главному судье? — Ярыжка на глазах у всех задрожал от страха.

Проестев за весьма короткое время своего управления Земским приказом успел внушить каждому служителю благоговейный ужас, наподобие того, который испытывают кролики перед удавом.

— Ты, конечно. Кто еще? Ты же здесь главный. А будет упираться, скажи, Григорий Образцов зовет.

— Сам Образцов? — Голос Филиппьева задрожал на самой высокой ноте. Казалось, еще немного, и он просто мог свалиться на землю без чувств.

Феона нахмурился.

— Хватит переспрашивать, Иван Филиппьев, беги давай!

Остратки хватило, чтобы замутненное сознание вернулось в действительность. Через мгновение, невольно озлобляя всех цепных псов Кузнецкой слободы, земский ярыга шустро сверкал пятками по Рождественке в сторону Воскресенских ворот Китай-города. Тем временем Феона посмотрел, как божедомы со всем тщанием и осторожностью, никак не характерными для них, грузили тело мертвого пигмея в сани, и обратился к Афанасию, молчаливо ожидавшему за его спиной.

— Ну что, брат, задержимся еще ненадолго?

Афанасий крикнул в кулак, улыбнулся и безмятежно пожал плечами.

— Ну, если ненадолго, то тогда, конечно, можно. Дело есть дело!

ГЛАВА 2

Государев кравчий с путем Михаил Михайлович Салтыков с утра находился в дурном настроении. Началось с того, что по дороге в Аптекарский приказ, сразу за Чудовым монастырем и большим двором ненавистного Салтыковым боярина Федора Ивановича Шереметьева, Мишку атаковала большая стая ворон, дружно слетевших с крытого осиновым лемехом купола церкви Христофора Псеглавца. При этом подлые птицы совершали свои богомерзкие поступки явно намеренно и безбоязненно гадили с безопасной высоты на сановника с такой невероятной точностью, что вынудили того спастись бегством под обидный смех шереметьевских челядинцев, облепивших ради потешного зрелища все заборы господского двора. Впрочем, положение Салтыкова стало еще хуже, когда на Соборной площади шкодливая стая изрядно увеличилась за счет ворон, издавна обитавших на чердаке церкви Рождества Богородицы и колокольни Ивана Великого!

Потеряв парчовую мурмолку, перемазанный с головы до ног, Михаил Салтыков тремя богатырскими прыжками заскочил на красное крыльцо и, ввалившись в сени приказа, в смятении захлопнул за собой дверь, испуганно привалившись к ней спиной, точно



опасаясь, что дурные птицы последуют за ним. Столь необычный и достойный сожаления облик начальника так сильно поразил дремавшего в сенях приказного сторожа, что он, не найдя ничего лучше, произнес, скорбно качая головой:

— Вороны в стаи сбиваются. Старики говорят — к ненастью!

— Дубина!

Салтыков, брезгливо морщась, скинул с плеч узорного бархата шубу на подкладе из сибирского соболя.

— На, вон, лучше от говна почисть! И умыться помоги.

Не успел Мишка толком ополоснуться студеной водой из ушата, стоявшего под лестницей в глухом подклете Аптекарского приказа, как его уже отыскал насквозь пропахший краской и олифой подъячий Вьялица Потемкин.

— Михайло Михайлович! — затянул он свое, почему-то всегда нудное и многословное витийство. — Никак не можно распоряжение твое выполнить. Поскольку желание твое дерзкое брожение в умах иноземных врачей вызвало с разными демаршами словесными и писанием челобитных на имя государя. Царский наказ нужен, иначе никак!

— Какое распоряжение? Какой наказ?

Салтыков недовольно поморщился, яростно натирая холщовым рушником лохмы всклоченных волос.

— О чем ты говоришь?

— Скорее не о чем, а о ком. Об арканистах¹ английских. Дие и Келли.

¹ Алхимик. Знаток тайн или таинственных средств.



— А что с ними не так?

— Да, пожалуй, все!

Вьялица, сдвинув на брови суконный наплешник, растерянно почесал затылок.

— Приглашение на службу ко двору покойный дьяк Третьяков не подписал, а без согласования Посольского приказа и наши врачи экзамены прибывшим проводить не желают. Говорят, бумаги подзрительные!

— Бумаги? — Салтыков насторожился и бросил мокрый рушник на плечо сторожа. — Это правда?

— Как сказать? — помялся Потемкин. — Подорожные и рекомендательные письма я проверял. Они настоящие. А вот медицинские сертификаты и дипломы об образовании врачей иноземных вдруг смущать стали. Костоправ Иоганн Бальцер и аптекарь Годсений вообще сомневаются, те ли это люди, за кого себя выдают? Они утверждают, что Артур Дий больше десяти лет имеет медицинскую практику в Лондоне и никуда без личного разрешения короля Якова уехать не может.

Известие о смуте в стенах вверенного ему приказа напугало и без того не сильно отважного царедворца. Тревожная жизнь при дворе приучила Мишку к серьезному отношению к угрозам его драгоценной жизни, какими бы неочевидными они ни казались на первый взгляд. Салтыков знал простую истину — неотвратима только опасность, которой пренебрегают!

— Как с цепи сорвались! — нахмурился Салтыков и гулко постучал пальцами по своему округлому животу. — Все из-за моего добродушия, — до-



бавил он убежденно. — Мягкий я все же человек! Нельзя так.

Искушенный и многоопытный подьячий едва заметно ухмыльнулся в козлиную бороденку и развел руками.

— Государь мой! Ты же сам виноват!

— Я?

— Хотел назначить Дию годовое жалованье в 250 рублей, да «на стол» еще по 72 рубля положить! Это, между прочим, 1114 рублей серебром, в то время как Валентин Бильс, будучи архиатром¹ царя, от казны 860 получает! Кому такое понравится?

Салтыков шмыгнул носом и, прищурившись, косо посмотрел на подьячего.

— Потемкин, ты чего мне разнос учинил? Есть что предложить — предлагай!

Тщедушный подьячий на всякий случай опасливо отстранился от начальника.

— Я чего думаю, Михайло Михайлович? Арканисты ведь не врачи. Герметика, тетрасомата², эликсир жизни — это ведь о другом!

— Ну и?

— Неплохо выяснить, они врачевать умеют?

— Не переживай, подьячий, — хищно ослабил-ся Салтыков. — Раз алхимические тинктуры готовят, то и с медицинскими справятся.

Мишка помолчал, размышляя, а потом добавил как бы для себя:

¹ Главный врач.

² Стадии процесса приготовления искусственного золота.